

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2025. № 3 (84). С. 200–204.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2025. Vol. 3 (84). P. 200–204.

Научная статья
УДК 316(049.32)
doi: 10.54398/1818-510X.2025.84.3.024

**НАСЛЕДИЕ М. ВЕБЕРА В РОССИЙСКОЙ ГУМАНИТАРНОЙ НАУКЕ
(РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ О. А. ИГНАТЬЕВОЙ
«РЕКОНСТРУКЦИЯ КОНЦЕПЦИИ ВЛАСТИ МАКСА ВЕБЕРА»)**

Панищев Алексей Леонидович

Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Россия
Alexeip11980@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4327-1225>

Аннотация. Данная статья представляет собой рецензию на монографию О. А. Игнатъева «Реконструкция концепции власти Макса Вебера» (Москва, Издательство «Аспект Пресс», 2025, 158 с.). В статье подчеркиваются основные характеристики данной книги, при этом в контексте того, что в постсоветской России имя М. Вебера стало ассоциироваться с интенсивным развитием социальных наук, на бытовом уровне мышления осталась в тени идеологическая роль этого ученого в становлении гитлеризма в Германии. Сильной стороной обсуждаемой книги является то, что в ней дан критический анализ трудов М. Вебера, подчеркнуты не только положительные, но и негативные аспекты его наследия. Для осмысления многих современных процессов в политической жизни современных государств работа О. А. Игнатъевой представляет особый интерес, а в контексте прихода к власти в некоторых государствах неонацистов приобретает особую актуальность. Выводы О. А. Игнатъевой позволяют просчитать тенденции в политической жизни ряда стран и, если прогнозы будут свидетельствовать об усилении в них нацизма, заблаговременно принять превентивные меры по бесконфликтному нивелированию угроз, которые из сугубо локальных могут перерасти в геополитические.

Ключевые слова: Вебер, Германия, социология, политика, нацизм, рецензия, Игнатъева, общество, государство, государственный лидер

Для цитирования: Панищев А. Л. Наследие М. Вебера в российской гуманитарной науке (рецензия на монографию О. А. Игнатъевой «Реконструкция концепции власти Макса Вебера») // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2025. № 3 (84). С. 200–204. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2025.84.3.024>.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

**THE LEGACY OF M. WEBER ON THE BASIS OF RUSSIAN HUMANITIES
(REVIEW OF THE MONOGRAPH BY IGNATIEVA O. A.
“RECONSTRUCTION OF MAX WEBER'S CONCEPT OF POWER”)**

Alexey L. Panishchev

Southwestern State University, Kursk, Russia
Alexeip11980@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4327-1225>

Abstract. This article is a review of the following book: Ignatieva O. A. Reconstruction of Max Weber's concept of power / O. A. Ignatieva. Moscow: Aspect Press Publishing House, 2025. 158 p. The article highlights the main characteristics of this book, while in the context of the fact that in post-Soviet Russia Weber's name became associated with the intensive development of social sciences, the ideological role of this scientist in the formation of Hitlerism in Germany remained in the shadows at the everyday level of thinking. The strength of the book under discussion is that it provides a critical analysis of the works of M. According to Weber, not only the positive but also the negative aspects of his legacy are emphasized. O. A. Ignatieva's book is of particular interest for understanding many modern processes in the political life of modern states, and in the context of the rise to power of neo-Nazis

in some states, it becomes particularly relevant. Conclusions of O. A. Ignatieva makes it possible to calculate trends in the political life of a number of countries and, if forecasts indicate an increase in Nazism in them, take preventive measures in advance to eliminate conflict-free threats that may turn from purely local to geopolitical.

Keywords: Weber, Germany, sociology, politics, Nazism, review, Ignatieva, society, state, state leader

For citation: Panishchev A. L. The legacy of M. Weber on the basis of Russian Humanities (review of the monograph by Ignatieva O. A. "Reconstruction of Max Weber's Concept of Power"). *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2025, no. 3 (84), pp. 200–204. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2025.84.3.024> (In Russ.).

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

В 2025 г. в свет вышла книга российского ученого Ольги Анатольевны Игнатъевой, в которой она дала характеристику трудам немецкого социолога Макса Вебера (1864–1920). Работы этого немецкого ученого приобрели большую популярность в постсоветской России. Нельзя сказать, что в СССР М. Вебер был неизвестным, тем более его труды публиковались на русском языке и в дореволюционной России, и в Советской России в 1920-х гг. Тем не менее в целом его в СССР воспринимали скорее как производное от капиталистического общества, противостоящего государствам с социалистическим укладом. Кстати, О. А. Игнатъева об этом справедливо пишет: «В силу своего происхождения М. Вебер принадлежал к классу буржуазии, что повлияло на его мировоззренческие установки. Он был сторонником либерализма, т. е. поддерживал индивидуализм, свободные рыночные отношения, всеобщее избирательное право и ограничение вмешательства государства и церкви в экономическую подсистему» [4, с. 11]. Нет сомнений в том, что в СССР к такому ученому относились настороженно. Ряд советских ученых, изучая наследие Вебера, выстраивали свои оценки, сообразно той формации, в которой трудились [7, с. 240]. Например, «анализ бюрократии Вебера в трактовке Макаренко не лишен некоторой предвзятости, обусловленной господством коммунистической идеологии в период написания работы» [4, с. 53]. Однако после ликвидации Советского Союза весьма быстро сформировались принципиально новые тренды, и среди таковых стал пристальный интерес к трудам Макса Вебера. Целью данной статьи является анализ монографии Ольги Анатольевны Игнатъевой «Реконструкция концепции власти Макса Вебера».

Основная часть

С первых страниц своей монографии О. А. Игнатъева подчеркивает время деятельности М. Вебера и направленность идей, которые охватывали его ум. Это время, непосредственно предшествовавшее Первой мировой войне, свидетелем которой было суждено стать и М. Веберу. Начало империалистической войны он поддержал, участвовал в организации госпиталей, однако непосредственно на фронте не присутствовал. Вебер полагал, что в ходе войны Германия одержит быструю и убедительную победу, и это позволит «немецкой нации определять мировую культуру будущего после победы над русской бюрократией и англосаксонским “торгашеством”» [4, с. 11]. Более того, он разделял и социал-дарвинистские идеи, которые, как показала дальнейшая история, трагично связаны с национализмом, а лучше сказать, с нацизмом. Примечательно то, что Вебер не считал развитый административный аппарат обязательным для сильной политической власти. Главе государства нужна лишь харизматическая личность и группа сторонников: «Бюрократия – не причина, а следствие сложившихся отношений господства-подчинения» [4, с. 14]. В некоторой степени отсюда происходит идея патримониализма, занимающая в концепции Вебера значительное место. «Отношения зависимости приобретают договорный характер, например, господин должен обеспечить защиту от внешнего врага, а подданные в свою очередь обязаны поддерживать господина всеми доступными способами» [4, с. 16]. В данном случае складывается впечатление, что Вебер, живя в капиталистическом мире, мыслил феодальными пережитками.

По мере того, как война стала затягиваться, Вебер начал пересматривать свое отношение к ней. Эти обстоятельства подчеркивают то, что труды Вебера правильно изучать в контексте исторического фона их написания. Ученый родился в Пруссии, он стал свидетелем формирования Германии, ее промышленного роста, идеологического подъема, за которым последовала мировая бойня, голод и поражение. Будучи сыном своего отечества, Вебер болезненно воспринял эти события и умер в 1920 г., т. е. на следующий год после подписания Версальского договора. Вероятно, с этим связана некоторая противоречивость в его взглядах: «Стиль изложения Вебера

сложен и иногда нелогичен, т. е. вывод не следует из посылок или посылки не связаны между собой» [4, с. 13]. С одной стороны, Вебер выступал за сильную государственную власть с ярко выраженной централизацией, однако реалии сложились такие, которые заставляли признавать парламентаризм, развитость отраслевого управления. В принципе, и парламент Вебер признавал лишь как средство мягкого подавления бюрократии [1, с. 239]. О. А. Игнатьева отметила данную противоречивость идей Вебера и нашла в его трудах тому примеры. При этом О. А. Игнатьева не первая, кто эту особенность творчества Вебера отмечает. Немецкий ученый В. Моммзен пишет о нем так: «Вебера нельзя назвать системным теоретиком, творцом некоего концептуального синтеза...» [10, с. 372]. Вебер формировался как ученый в успешном бурно развивающемся капиталистическом государстве, а последние годы его жизни прошли в разоренной войной стране, среди рухнувших надежд и голодающего народа.

Заметное место О. А. Игнатьева отводит понятию «харизма», которому в концепции М. Вебера уделено большое внимание. При этом в идеале такой лидер должен отличаться финансовой самостоятельностью и материально не зависеть от какой-либо политической партии. Сама по себе харизма, как считает Вебер, рождается в условиях кризиса, «великой нужды» [2, с. 142], которая постигла всю Европу и Россию в результате Первой мировой войны. Идея властвования харизматического лидера стала некоторым прогнозом Вебера на ближайшие десятилетия, причем не только в отношении одиозных глав Италии (Муссолини), Германии (Гитлер), Испании (Франко), но и для вполне парламентских государств, где на фоне кризисов выделились У. Черчилль в Великобритании, Ф. Рузвельт в США. В СССР государственным лидером стал И. В. Сталин. О. А. Игнатьева, ссылаясь на труд «Политика как призвание и профессия», вышедший в 1919 г., указывает на характеристики такого лидера [4, с. 21–22]. При этом примерами такового Вебер называет Оливера Кромвеля и Наполеона Бонапарта. Нет ничего удивительного, что Вебер был сторонником монархии [4, с. 24–25]. Однако на начало XX в. такая форма правления была уже не в тренде, поэтому ее нужно было иначе оформить, так, чтобы общество было готово принять монархию в ином виде, поэтому, как О. А. Игнатьева подчеркивает, идея монарха у Вебера заменена идеей рейхспрезидента [4, с. 25]. При этом Вебер считает целесообразным в современной политической жизни функционирование и парламента. Политические партии, без сомнения, могут содействовать росту популярности харизматического лидера, однако эту мысль Вебера не следует абсолютизировать. Членство в политической партии как условие для успеха конкретного главы является важным, но не обязательным фактором. Так, «Ельцин использовал в качестве трамплина во власть не политическую партию, а общественное движение» [4, с. 91]. Тем не менее лидерство сохраняет актуальность для России и западноевропейских государств. О. А. Игнатьева отмечает полезность сочетания «легально-рационального господства и «умеренной» версии харизматического лидерства, поскольку такая форма организации власти способствует эффективному управлению государством» [4, с. 126].

Одновременно в трудах Вебера описывается то, что нация для развития своего государства нуждается в территории, что оправдывает экспансию: «Еще в молодости, после окончания юридического факультета в г. Геттингене, Вебер по долгу службы участвовал в политэкономических проектах, относившихся к положению сельскохозяйственных работников в Восточной Пруссии, и пришел к выводу, что территорию Германии (ее культурные границы) нужно защищать от влияния «нижестоящей расы» славян (поляков и русских), выраженного в массовой миграции сезонных сельскохозяйственных работников, соглашавшихся на условия труда, которые являлись непривлекательными для прусских крестьян» [4, с. 30]. Все эти слова с высоты исторического развития заставляют задуматься о том, что они оказались созвучны той агрессивной войне, которую Германия развязала против СССР в июне 1941 г.

О. А. Игнатьева, характеризуя труды М. Вебера, обратила внимание на то, что он уделил внимание политической культуре, которая сама по себе не появляется, а формируется у народа в результате воспитательной работы со стороны государства [4, с. 28]. Для общества XX в. тема воспитания политической культуры, правосознания стала значимой не только в странах Западной Европы, но и в России, где она нашла отражение в трудах И. А. Ильина [5; 6].

Значительное место в работе О. А. Игнатьевой уделено этическим представлениям М. Вебера, который вводит в научный оборот понятие этической ответственности власти. Он считал, что политический лидер должен отличаться высокими нравственными качествами, причем О. А. Игнатьева отмечает, что на М. Вебера оказало влияние прежде всего лютеранство, а не кальвинизм [4, с. 38]. Она мотивирует эту мысль тем, что в кальвинизме не развита идея покаяния. Тем не менее? не опровергая того, что сказано О. А. Игнатьевой, отметим еще и то, что в кальвинизме в крайней форме выражена идея предопределения, причем настолько сильно, что в этом направлении протестантизма считается то, что вопрос спасения или гибели человека уже предreshен, а стало быть, от него самого ничего важного не зависит. При таком подходе кальвинистов смысл в работе государства по воспитанию политической культуры теряется,

а для концепции М. Вебера это неприемлемо. Иначе говоря, мы бы сделали акцент не на категории покаяния, а на концепте «предопределение».

Важным плюсом работы О. А. Игнатьевой является признание порочности этической концепции М. Вебера. Вебер предложил такой тип политического лидера, который, являясь харизматичным, все свои качества нивелирует беспринципностью, где личный успех и развитие собственного государства может осуществляться и на инфернальной основе. По сути, Вебер равнозначно допускает служение и Богу, и дьяволу [4, с. 138]. Ради политического успеха он подменяет систему ценностей, превращая государство из области служения людям в сферу беспринципной реализации политических амбиций харизматичного лидера. Авторитет немецкого ученого не помешал О. А. Игнатьевой трезво и объективно осмыслить этические взгляды Вебера и констатировать их внутреннюю противоречивость и предрасположенность к деструктивности: «С высоты сегодняшнего дня очевидно, что решение этических проблем власти... в духе Вебера, который возлагает на политика по призванию огромные надежды в плане правильного выбора и поведения, совершенно недопустимо» [4, с. 39]. При этом Вебер признает двусторонность отношений между властью и обществом, что в принципе соответствует идее общественного договора, а стало быть, укладывается в парадигму политической жизни стран Западной Европы.

Также О. А. Игнатьева дает комплексную оценку отражения концепции Вебера в англосаксонской гуманитарной науке. Рецепция идей М. Вебера в трудах Р. Свидберга, Дж. Берке, Ш. Стокхольма, С. Баррета, Л. Скаффа представляется интересной и значимой для понимания вектора развития социально-политической мысли не только конкретно М. Вебера, но и общих тенденций в области социологии и политологии. В работах вышеперечисленных ученых показано то, как идеи М. Вебера проявляют себя в условиях Великобритании, Канады, США. В России, несмотря на то, что труды Макса Вебера изучены достаточно полно, сохраняется некоторая противоречивость. Так, «в контексте рациональности П. П. Гайдено и Ю. Н. Давыдов рассматривают и «этику ответственности» Вебера, противопоставленную «этике убеждения»» [3; 4, с. 57]. Вместе с тем нужно учитывать, что хотя в идеале ученый должен быть максимально объективным, но на практике он неизбежно будет испытывать сторонние влияния, связанные с личным опытом, гражданством, исповедуемой религией или атеизмом. Вебер, например, в контексте ответственности считал, что Германия не виновата в развязывании Первой мировой войны. Как гражданин Германии он, естественно, стремился сгладить трагические последствия этой войны, по сути бойни, для немецкого народа и по мере возможности обелить германскую политику. Примечательно, что Гитлер, стремясь к власти, также внушал немецкому народу мысль о том, что Германии эта война была навязана со стороны других государств. Вебер считал, что этическая ответственность власти распространяется лишь на то государство, которым она управляет, игнорируя и даже нарушая при этом интересы других наций. Все высокие нравственные качества политического лидера приносят пользу лишь его народу, безотносительно общечеловеческих ценностей. В этом отношении наиболее трезво Первую мировую войну оценил В. И. Ленин, назвав ее империалистической, т. е. связанной не с интересами народа, а с амбициями капиталистов, сильно влияющих на политические решения глав государств. Вина за развязывание этой бойни лежит на Германии без сомнений, однако нельзя считать, что остальные участники этой войны не ответственны за ее начало.

В целом О. А. Игнатьева уточнила ряд аспектов в трудах российских ученых, скорректировала их выводы, снизила уровень их субъективности, объяснила ряд сторон в деятельности Вебера биографическими обстоятельствами [4, с. 58–59]. Здесь важно понять то, что ученый творит свои работы в ходе собственной жизни, события которой так или иначе влияют на некоторые аспекты научной деятельности человека.

Сильной стороной книги О. А. Игнатьевой является соотношение идей Вебера со взглядами более поздних мыслителей, например М. Фуко [8; 9]. Данный анализ подчеркивает значимость трудов М. Вебера как для социально-политической жизни на протяжении всего XX в., так и для последующего развития научной мысли.

Выводы

В целом книга Ольги Анатольевны Игнатьевой «Реконструкция концепции власти Макса Вебера» являет собой комплексное, наиболее объективное исследование, в котором дополнены и уточнены ряд положений Макса Вебера. Сам выход такой книги свидетельствует о том, что работы этого немецкого ученого сохраняют злободневность и значение для современного общества, однако их критичная оценка позволяет избежать ошибок, к которым может привести мировоззрение, предлагаемое Вебером, справедливый анализ его взглядов уводит нас от излишней идеализации этого крупного немецкого ученого, подчеркивает изъяны в его доктрине, приводящие многие народы к трагическим последствиям. Труд О. А. Игнатьевой весьма полезен для правильного осмысления и трудов конкретного ученого, и общих тенденций в развитии науки как в период его жизни, так и в последующие десятилетия. Монография О. А. Игнатьевой

силна своей динамичностью, рассудительностью и стремлением к справедливой оценке ряда сторон деятельности Вебера и ученых, которые посвятили свои труды изучению его наследия.

Список литературы

1. Вебер, М. Избирательное право и демократия в Германии (март 1917 г.) / М. Вебер // Политические работы (1895–1919) : пер. с нем. – Москва : Праксис, 2003. – С. 40–106.
2. Вебер, М. Харизматическое господство / М. Вебер // Социологические исследования. – 1988. – № 5. – С. 139–147.
3. Гайденко, П. П. История и рациональность: Социология М. Вебера и веберовский ренессанс / П. П. Гайденко, Ю. Н. Давыдов. – Москва : Политиздат, 1991. – 367 с.
4. Игнатъева, О. А. Реконструкция концепции власти Макса Вебера / О. А. Игнатъева. – Москва : Аспект Пресс, 2025. – 158 с.
5. Ильин, И. А. В поисках справедливости / И. А. Ильин // Ильин И. А. Собрание сочинений : в 10 т. – Москва : Русская книга, 1993. – Т. 2, кн. 1. – С. 231–233.
6. Ильин, И. А. О сущности правосознания / И. А. Ильин // Ильин И. А. Собрание сочинений : в 10 т. – Москва : Русская книга, 1993. – Т. 4. – С. 149–414.
7. Макаренко, В. П. Вера, власть и бюрократия / В. П. Макаренко. – Ростов-на-Дону : Ростовский университет, 1988. – 302 с.
8. Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности : пер. с фр. / М. Фуко. – Москва : Касталь, 1996. – 448 с.
9. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы : пер. с фр. / М. Фуко. – Москва : Ad Marginem, 1999. – 480 с.
10. Mommsen, W. Max Weber's "Grand Sociology": The Origin and Composition of *Wirtschaft und Gesellschaft: Soziologie* / W. Mommsen // *History and Theory*. – 2000. – Vol. 39, № 3. – P. 364–383.

References

1. Veber, M. *Izбирatel'noe pravo i demokratiya v Germanii (mart 1917 g.)*. [Electoral law and democracy in Germany (March 1917)]. *Politicheskie raboty* (1895–1919) [Political Works (1895–1919)]. Moscow: Praksis; 2003, pp. 40–106.
2. Veber, M. *Kharizmaticheskoe gospodstvo* [Charismatic domination]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 1988, no. 5, pp. 139–147.
3. Gaydenko, P. P., Davydov, Yu. N. *Istoriya i ratsionalnost: Sotsiologiya M. Vebera i veberovskiy renessans* [History and rationality: The sociology of M. Weber and the Weber Renaissance]. Moscow: Politizdat; 1991, 367 p.
4. Ignateva, O. A. *Rekonstruktsiya kontseptsii vlasti Maksa Vebera* [Reconstruction of Max Weber's concept of power]. Moscow: Aspekt Press; 2025, 158 p.
5. Ilin, I. A. *V poiskakh spravedlivosti* [In search of justice]. *Sobranie sochineniy: v 10 tomakh* [Collected Works: in 10 vols]. Moscow: Russkaya kniga; 1993, vol. 2, book 1, pp. 231–233.
6. Ilin, I. A. *O sushchnosti pravosoznaniya* [On the essence of legal consciousness]. *Sobranie sochineniy: v 10 tomakh* [Collected Works: in 10 vols]. Moscow: Russkaya kniga; 1993, vol. 4, pp. 149–414.
7. Makarenko, V. P. *Vera, vlast i byurokratiya* [Faith, power and bureaucracy]. Rostov-on-Don: Rostov State University; 1988, 302 p.
8. Fuko, M. *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksualnosti* [The will to truth: beyond knowledge, power and sexuality]. Moscow: Kastal; 1996, 448 p.
9. Fuko, M. *Nadzirat i nakazyvat. Rozhdenie tyurmy* [To supervise and punish. The birth of prison]. Moscow: Ad Marginem; 1999, 480 p.
10. Mommsen, W. Max Weber's "Grand Sociology": The Origin and Composition of *Wirtschaft und Gesellschaft: Soziologie*. *History and Theory*. 2000, vol. 39, no. 3, pp. 364–383.

Информация об авторе

Панищев А. Л. – кандидат философских наук, доцент, профессор РАЕ.

Information about the author

Panishchev A. L. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the RANS.

Статья поступила в редакцию 06.05.2025; одобрена после рецензирования 19.05.2025; принята к публикации 30.06.2025.

The article was submitted 06.05.2025; approved after reviewing 19.05.2025; accepted for publication 30.06.2025.